

ЗА РОДИНУ

ЧИТАЙТЕ СЕГОДНЯ:

Вина Англии полностью доказана
Пахарь на собственной земле
„Германия указывает нам дорогу“

Сенсационное признание Москвы:

БОЛЬШЕВИКИ ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ ПРОТИВ ЦЕРКВИ

Отрезвление

После большой шумихи, поднятой плутократами по поводу предстоящего, якобы, в начале этого лета наступления на Европу, за последнее время разговоры на эту тему стали значительно сдержаннее. Перед чудовищными требованиями, связанными с подобной попыткой вторжения, умоляет кичливое хвастовство англичан и американцев, которое уступает место гораздо более трезвым рассуждениям. Правда, в воздушной войне англичане и американцы усилили свою деятельность, но при этом они также натолкнулись на усиленную оборону держав Оси. Это подтверждается большим количеством сбитых за последнее время англо-американских самолетов, о чем уже сообщали германские военные сводки. В июне месяце над территорией Германии и занятых западных областей, согласно германским сведениям, германской авиацией и военным флотом сбиты 614 британских и американских само-

таются с ежедневной потерей в 500 человек и спрашивают, смогут ли летные училища впредь пополнять эти потери.

Также велико протрезвление и на советской стороне. Сильные налеты соединений германских пикировщиков на советские военнопromышленные объекты, расположенные на Волге, привели большевиков в сильное беспокойство. Эти налеты внезапно опровергли англо-американские утверждения о том, что германская авиация, мол, так связана в Западной и Южной Европе, что наряду с деятельностью на Восточном фронте она, дескать, совершенно не способна совершать бомбардировочные рейды в советский тыл. Больше всего большевики приходят в замешательство от грозного расширения радиуса действия германской авиации, так как Куйбышев расположен всего лишь в 350 километрах от атакованных до сих пор целей.

На Восточный фронт Германия за последние месяцы отправила лучшие, отдохнувшие дивизии и снабдила их новым оружием. Большевики тоже произвели крупные концентрации своих войск. Теперь начались серьезные бои в районе Белгород — Курск, где обе стороны нацупывают друг друга. Симптоматично, что хотя большевики бросили в бой очень большое количество дивизий, танковых бригад и авиации, им не удалось отвоювать своих потерянных позиций. Во-вторых германские бронетанковые соединения в этих боях почти не участвовали, а держались командованием, по тактическим соображениям, в резерве. В третьих, германские оборонительные средства сняли страшную жажду в наступавших советских танковых соединениях. За один только день разбиты 400 советских танков, частично новейшего типа. Не менее тяжелы были потери большевизской авиации, которую советское командование бросает в бой, не считаясь с состоянием материальной части и степенью обучения летного персонала. Всего лишь за два дня — 5 и 6 июля большевики потеряли 637 самолетов, в том числе большое количество штурмовых.

Уже эти германские успехи свидетельствуют о победоносной решимости немецких солдат, превосходном командовании и высоком качестве германского оборонительного и наступательного оружия. После зимней агитационной шумихи Москвы мы глубоко убеждены, что осенью в Кремле наступит катастрофическое отрезвление.

„Мы боремся против религии, как заблуждения“, — заявил „всесоюзный староста“ Калинин по указанию Сталина

Псков, 9/7. Перед нашими глазами вновь разыгрывается омерзительная большевизская оперетка — Сталин и его блюдолизы меняют свои «убеждения и идеи», как грязное белье. Мы всегда знали, что большевизм отнюдь не является мировоззрением, а действием преступной банды уголовной шайки. Используя благоприятные обстоятельства, большевики сумели захватить в свои ру-

КИ ВОЛНУ И СОЗДАТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО СССР, А В ДАЛЬНЕЙШЕМ ХОТЕЛИ ДОБИТЬСЯ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА. СТАЛИН И ЕГО КЛИКА ЗНАЮТ, ЧТО СЕГОДНЯ РЕЧЬ ИДЕТ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ БОЛЬШЕВИЗМА. ШЕПЕТИЛЬНО-

ОТ НАШЕГО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА АНАТОЛИЯ ПЕТРОВА

Тяжелые танковые сражения под Белгородом и Орлом

Большевики за один день потеряли более 400 танков и 193 самолета

ИЗ ГЛАВНОЙ СТАВКИ ФЮРЕРА

8/7. Верховное командование германских вооруженных сил сообщает:

В районе Белгорода и южнее Орла вчера происходили тяжелые танковые бои, в течение которых частями германской армии, зенитной артиллерией, а также соединениями боевой авиации и ближнего боя, уничтожены более 400 советских танков. В результате упорных боев в лесах и населенных пунктах, прорвана, расчлененная на значительную глубину, система укреплений противника. Соединения германской боевой авиации и ближнего боя поддерживали наступательные операции наземных войск и причинили противнику большие потери в людях, тяжелом оружии и подвижных составах. В упорных воздушных боях и зенитной обороной на среднем участке Восточного фронта уничтожены 193 самолета противника. Обер-фельдфебель Штрассель, командир самолета одного из истреби-

тельных соединений, за три дня добился 25-ти воздушных побед. 13 германских самолетов не вернулись на свою базу. Ночные налеты германской авиации были направлены на находящиеся в глубоком тылу противника места расположения войск, железнодорожные пути и опорные пункты снабжения.

С других участков Восточного фронта ни о каких значительных боевых действиях не сообщено.

У побережья Сицилии германские и итальянские силы противовоздушной обороны уничтожили 16 британо-американских, большей частью многомоторных, самолетов. Над Атлантическим океаном и у побережья Ламанша сбиты еще четыре самолета противника.

При ночных тревожащих полетах немногочисленных неприятельских самолетов в западно-германской пограничной области, сброшены единичные бомбы, не причинившие, однако, значительных потерь.

После того, как в течение нескольких месяцев большевики упорно пытались убедить всех в своей веротерпимости, они жестоким убийством киевского митрополита показали свое прежнее, настоящее лицо. Недавно поступило сообщение из Финляндии, что там большевиками злодеями зверски убит епископ области Оулу. Это варварство вызвало во всей Финляндии печаль об убитом и сильнейшее возмущение. После этого случая больше не может быть сомнений в ложной терпимости большевиков по отношению к религии. Поэтому «всесоюзный староста» Калинин, по указанию Сталина, сбросил маску. Он выступил с речью перед фронтowymi агитаторами НКВД, в которой дословно заявил следующее: «Мы считаем, что религия является заблуждением и боремся против нее воспитанием».

(Окончание см. на 2-ой стр.)

Большевизм — злейший враг верующих!

ета, в том числе 408 четырехмоторных бомбардировщиков. За прошлую неделю потери англичан и американцев составили даже 307 самолетов. Из этих чисел явствует, что усиление обороны касается не только самой Германии и Западной Европы, но также и Средиземноморского пространства. В связи с этим интересно прислушаться к голосам, слышимым по поводу этих повышенных потерь со стороны англо-американцев. В их рассуждениях звучат преимущественно две ноты:

1. Британские авиационные эксперты заявили, что англо-американцы должны считаться с ежедневной потерей в 100 самолетов, гибнущих при налетах на Италию и Германию. Это утверждение доказывает, что сообщения германские и итальянские сводок о числе сбитых самолетов составляются с величайшей осторожностью и по существу являются даже слишком низкими. Ясно, что большое количество неприятельских бомбардировщиков и истребителей, поврежденных во время их налетов, гибнут на обратном пути или разбиваются при посадке. Это заявление английских экспертов авиации ярко свидетельствует о действительности и мощи германской и итальянской противовоздушной обороны.

2. Все громче слышны английские и американские тревожные голоса о потерях летного персонала. Там счи-

Вина Англии полностью доказана

Опубликованы германские документы об англо-американском терроре над женщинами и детьми

Берлин, 9/7. Убийство британскими воздушными летчиками женщин и детей и разрушение ими ценнейших культурных памятников, вызвало во всем мире волну глубокого возмущения. Мировая общественность за последнее время все больше убеждалась в том, что бомбардировка женщин и детей никоим образом не может повлиять на исход этой войны. Английский и американский воздушный террор придал нынешней войне до сих пор еще неизвестный варварский лик.

Так как все большее число наций, а также видных светских и духовных лиц выражают свое возмущение поведением англо-американских воздушных гангстеров, сегодня в стане разжигателей войны, в Лондоне и Вашингтоне, царит большое смутение. С одной стороны, в своей слепой разрушительной страсти они не хотят отказаться от этого воздушного террора, так как в нем думают найти средство спасения, изменить глубокий переворот тем временем уже совершившийся в Европе. С другой стороны, однако, они хотели бы найти себе моральное оправдание. Этим объясняется лицемерное заявление англичан и американцев, будто бы Германия первая начала воздушный террор против гражданского населения. Это заявление является явной и сознательной ложью, так как воздушный террор дело чисто британское.

Германское министерство иностранных дел по этому поводу издало Белую Книгу, под названием: «Документы об исключительной вине Англии в бомбардировке гражданского населения». Включая отчасти акты, захваченные во время войны, этот сборник из 110 документов красноречиво и неопровержимо доказывает, что Англия предусматривала воздушный террор еще задолго до начала войны и давно уже включила его в свои военные планы.

Англо-американский воздушный террор — результат долго и тщательно продуманного плана уничтожения культурных ценностей Германии, Италии и всей Европы. Цитируемое в Белой Книге письмо лорда Уинстера в газету «Таймс» является лучшим доказательством, написанным рукою видного англичанина, доказательством того, что воздушный террор еще задолго до этой войны намечался и подготавливался британским правительством.

Серия документов, опубликованных в этой Белой Книге, в своей первой части свидетельствует о международных совещаниях, происходивших еще до войны, с целью огра-

ОТ НАШЕГО БЕРЛИНСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА БОРИСА ШАТОВА

ничения воздушных налетов. Как об этом ясно свидетельствуют документы, Германия постоянно выступала за полный запрет бомбардировки с воздуха, за полное устранение бомбовозов и также требовала запрещения производства газовых, ядовитых и зажигательных бомб. Однако, эти стремления гуманизировать воздушную войну не имели успеха, несмотря на то, что многочисленные страны также настойчиво придерживались этих требований. Причиной этому послужил резкий отказ британского правительства, видевшего в бомбовозах в первую очередь орудие полицейской власти, применимое против порабощенных Англией народов, но которое уже и тогда предназначалось для ведения террора над гражданским населением.

Вторая часть германской Белой Книги доказывает, что германское командование и после начала войны принципиально и практически стремилось как можно гуманнее вести воздушную войну. Германская армия во время походов против Польши, Голландии, Бельгии и Франции делала все, что было в ее силах, чтобы щадить гражданское население и ограничить поле деятельности авиации исключительно военными целями. Даже со стороны противника это неоднократно и ясно подтверждалось, как об этом свидетельствует заявление британского министра иностранных дел и аташе французской авиации в Варшаве. Германские документы подробно касаются бомбардировки Варшавы и Роттердама, которые противником ложно называются террористическими актами. Из документов следует, что оба этих города были превращены в крепости и как таковые оборонялись. В противном же случае они бы избежали бомбардировки с воздуха. Германское командование поставило Роттердаму и Варшаву те же условия, что и командующим защитой городов Брюсселя, Парижа и Бордо, жизнь и имущество населения которых не пострадало ни в малейшей степени. На коммандантах Варшавы и Роттердама лежит вина в том, что своим в военном отношении бессмысленным отказом сдать города, они сами вызвали бомбардировку.

Третья часть книги разбирает вопрос о начале и развитии британского воздушного

террора. Все документы, собранные здесь в хронологическом порядке, подчеркивают, что британские самолеты в течение ряда месяцев нападали на гражданские объекты в Германии без того, чтобы немцы принимали какие-либо меры возмездия. Еще в январе 1940 года был издан приказ по германской армии, совершенно запрещавший какие-либо налеты на самую Англию. Лишь в апреле 1940 года германское военное командование отдало себе отчет в том, что британские налеты на гражданские объекты происходят по строго определенному плану. Впечатление от этого определения было настолько велико, что об этом даже упомянуто в германской военной сводке от 25 апреля 1940 года. Но и на этот раз Германия не ответила на удар. Она ожидала до 20 июня 1940 года. 19 июня 1940 года Фюрер в речи, произнесенной им в Рейхстаге, еще раз призвал англичан к раскаянию. Его голос там услышать не пожелали. Единственным ответом на это были британские бомбы, сброшенные на Веймарский дом Гете и на авиазолет Бисмарка в Фидрихсру. 26 августа 1940 года началась первая серия британских воздушных налетов на жилые кварталы Берлина. Лишь после восьмого такого налета германская авиация совершила свой первый налет на Лондон. Речь Фюрера от 8 ноября 1940 года и 4 мая 1941 года разъяснили всему миру германскую точку зрения.

Белая Книга показывает, как политические вожди Великобритании и Соединенных Штатов подстрекают друг друга к еще более жестоким методам бомбардировки гражданского населения. Эта книга неопровержимо разрушает вопрос о том, кто виноват в возникновении воздушного террора. Разрушенные города европейского континента и тысячи женщин и детей, убитых британскими и американскими бомбами, являются пламенным обвинением против обоих главных виновников войны — Черчилля и Рузвельта. Мировая история уже вынесла им свой приговор. Германское официальное заявление от 29 мая 1943 года заключается следующими, полными значения, словами:

«За преступление, совершенное и совершаемое ими по отношению к Европе, они должны будут пострадать, когда наступит час возмездия. Им придется уплатить око за око, зуб за зуб. И от этой справедливой кары их не спасет никакая дерзкая попытка отрицания своей ответственности».

Варварство англичан

Как уже неоднократно сообщалось в сводках германского верховного командования, английские летчики бомбардируют мирные города. Недавно, во время одного из таких налетов, был разрушен Кельнский собор, являющийся древним памятником немецкого зодчества. На снимке — разрушенный алтарь собора с черной статуей Божией Матери, которая осталась невредима, так как ее каждый вечер уносили в надежное бомбоубежище.

Плакатники

Для поддана жару в патристическую печь, кремлевские мудрецы выпускают ряд плакатов — серию «Великих предков», — в исполнении резчика по дереву, художника Анкринского.

На заседании соответствующей комиссии разбирались вопросы, — как понять и оформить загадочное, как всегда, задание товарища Сталина о выпуске серии «Великих предков».

Лазарь Каганович, сидя поодаль, загибал пальцы и шептал: «Абрам — раз, Моисея — два, Барух — три, Самуил — четыре, Карл Маркс — пять, наших шесть умерших Кагановичей — одиннадцать, Ленин — двенадцать. Почему нет? Пройдет не сегодня, так завтра, сделают не Анкринский, так Лейбович — какая разница?»

Берия, молодого человека выпившая орденосную грудь, небрежно слушал подобострастный лепет чекиста высокого ранга. «Начинать с Каина, товарищ Берия, не стоит, навалит потом всякую холеру на шею, а вот с царя Ирода начать непременно надо. Свой в доску был чекист. Потом с середины тысяч Степана Разина, Пугачева, Дзержинского, вас, Ленина, Сталина» — «Стой, а как же Иосифа Виссарионовича в преддверии живого в гроб заганяли? Ты что, контрреволюцию разводишь?»

Чекист поблелел и шатающейся походкой вышел из зала. К Берии подошел Лозовский и, заискивая взгляды на него в глаза и сладко улыбаясь, зашептал: «Международное положение заставляет думать, что к предкам надо подходить по теории Дарвина. Во-первых — союзник англичанин, во-вторых — человек без олуха. Значит, сначала горилла, потом первый большевик каменного века, второй большевик железного века и так далее до Карла Маркса и товарища Ленина. Как вы думаете с точки зрения генеральной линии партии?» Берия кинул мрачный взгляд на информбюро. «Сперва вас, товарищ Лозовский, а потом гориллу, а затем обоих в трибунал!»

В зале заседания произошло движение. Послышавшись голос Калинин с эстрады. «Товарищи, на основании только что полученной инструкции великого Сталина, по случаю экономии военных материалов и труда, и согласуясь с генеральной линией партии, предлагается художника Анкринского выслать на работу в уральские копи, а предков перепечатать с серии открыток «Трехсотлетие дома Романовых». Последним плакатом — ленинский навзлой. Кто против? Никого. Принято единогласно.» АКИМОВ.

Большевики продолжают борьбу против церкви

(Начало на 1-ой стр.)

Таким образом, наконец, официально подтверждена враждебность большевиков по отношению к религии. Кому же теперь не ясно, что большевизмские живые попытки показать свою мнимую терпимость в религиозных вопросах или подчас даже дружественное отношение к церкви, были всего лишь тактическим маневром и подлым обманом большого размаха.

Мы большевизм знаем! Двадцать пять лет подряд угнетал он наш народ. Богослужения были запрещены, тихие молитвы наших глубоко религиозных людей подводились под понятие контрреволюции. Наш народ, издревле искавший поддержки в вере, молча переживал эти муки и с отвращением наблюдал, как большевики кощунственно оскверняли одну церковь за другой.

Ярость большевизмского бешенства излилась на православную церковь. Поэтому никто из русских людей не

верил, что Сталин мог похоронить свою ненависть к религии. Все это было лишь тактикой, обманом народа! Но народ не попался на эту удочку, и Сталин это понял! Поэтому Калинин опять неприкрыто вынесил старый лозунг ненависти и обожания сущности большевизма. Перед фронтовыми агитаторами НКВД ему стесняться нечего и он завел свою старую шарманку. Но мы знаем, что для СССР это означает сигнал к началу нового преследования и уничтожения всех приверженцев церкви.

На нашей Родине каждый знает, что в освободенных областях разрешено проявление религиозной жизни. Наши церкви открыты и верующим никто не мешает в них молиться. При сталинском режиме это невозможно! Мы этого не забываем! Не покладая рук, мы должны работать и всеми силами стремиться к тому, чтобы на всей нашей Родине был уничтожен террористический режим чудного нашему народу большевизма.

Иллюстрированная хроника

Германия

Подводная война

Берлин, 9/7. (От нашего корреспондента). Сводка верховного командования германских вооруженных сил снова сообщает, что германские подводные лодки в Атлантическом океане и Средиземном море потопили 9 судов противника, общим водоизмещением в 53.000 брт. Затем, недавно сообщалось о появлении германских подводных лодок в Черном море. Это побудило берлинские политические круги высказаться на тему о нынешней стадии подводной войны. Впервые, в Берлине опровергают утверждение англо-американцев, что будто бы развитие оборонительной техники и тактики противников Осн является настоящей причиной небольшого количества потопленных за последнее время судов, не говоря уже о том, что плутократам, якобы, удалось с помощью своих новых оборонительных средств одержать долговременную победу над немецкими подводными лодками. Конечно, нельзя отрицать, что противник, благодаря своим новым оборонительным методам, достиг известного успеха, но следует обратить внимание на то, что даже в стане западных держав не верят в продолжительность этого успеха, а с тревогой ждут новых выступлений стай подводных лодок и роста потоплений. Кроме того, информированные берлинские круги указывают, что потери подводных лодок не превышают нормального процента, а строительство их значительно возросло. В Берлине придерживаются своего мнения о небольшом количестве потопленных за июнь судов. Показательно в данном случае решение, естественно принятое германским командованием в связи с ожидаемыми операциями держав Осн. Вполне понятно, что в этих условиях соответствующая роль будет уделена также подводным лодкам. С другой стороны, в настоящее время подводные лодки снабжаются приборами, которые помогут с еще большим успехом прорывать оборону противника и нападать на конвои. Необходимость введения новой наступательной тактики также имеет большое значение при отозвании многочисленных подводных лодок из их оперативных районов. В уменьшении потопленного тоннажа свою роль сыграл также обычный ремонт и проверка подводных лодок после труднейших и продолжительных зимних и весенних походов.

Америка

Новое частичное признание

Стокгольм, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Морское ведомство США теперь признало потопление легкого крейсера «Елена» в районе острова Рендова. Крейсер «Елена» принадлежал к самым современным легким крейсерам американского флота. Он спущен на воду только в 1938 году и имел водоизмещение в 10.000 брт. Вооружение его состояло из пятнадцати 2 сант. орудий, восьми 127 сант. зенитных орудий, четырех 4,7 сант. орудий и восьми 4 сант. зениток. Кроме того на борту крейсера имелись четыре гидроплана. Экипаж судна в мирное время состоял из 868 человек.

Роль женщин в германской промышленности

Берлин, 9/7. (Корр. «З. Р.»). В германской промышленности обороны все шире открывается дорога для продвижения вперед женщин. Особенно рабочий фронт принимает все меры к тому, чтобы женщины постоянно подготовились для занятия руководящих должностей. В крупных предприятиях мастера отбирают лучших работников, которые получают основательное техническое образование, обучаются разбираться в чертежах, делать технические наброски и знакомятся со всеми основными приемами работы в металлургической промышленности. Они изучают также расчеты заработной платы, аккордную работу, порядок работы и т. д. Будущие помощники мастеров основательно изучают разные отделы заводской деятельности и, наконец, проходят специальные курсы по педагогике, методике, изучению лучших приемов работы и т. п. Несколько недель после этого они работают по монтажу, контролю, проходят практику бурения, фрезеровки. Уже многие женщины, прошедшие такой курс обучения, назначены руководящими группами, обучают новых работниц и т. д.

Англия

Тщетные попытки затухнуть убийство Сикорского

Виго, 9/7. (Корр. «З. Р.»). В дипломатических кругах оживленно обсуждается факт, что даже лондонская общественность придерживается мнения, что авиационная катастрофа с самолетом Сикорского, якобы, произошла отнюдь не по «техническим причинам». Факт саботажа, подтверждаемый также новыми сведениями из Гибралтара, не отрицается даже и в Лондоне. Там чувствуют себя болезненно задетыми тем, что возникло подозрение, что к этому делу приложила свою руку английская секретная служба.

Плутократы между собой

Стокгольм, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Английское правительство неожиданно запретило печатание еженедельной газеты де Голля «Ла Марсельез». Причиной этому послужило то, что в некоторых пор в статьях газеты замечалась «враждебность по отношению к Соединенным Штатам Америки». Этот факт является симптоматичным для характеристики взаимоотношений между обоими плутократическими странами.

Затруднения британцев в арабском вопросе

Женева, 9/7. (Корр. «З. Р.»). «Манчестер Гардиан» указывает на те возрастающие трудности, на которые наталкивается Англия в арабском вопросе. Англия надеялась привлечь симпатии иранцев и марокканских индусов, но жестоко в этом ошиблась. Арабы прежде всего желают независимости, но это требование ни в каком случае не соответствует направлению английской политики.

Производственные заботы Нельсона

Лиссабон, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Дональд Нельсон в докладе об американском производстве заявил, что военная продукция США в мае месяце значительно снизилась. Больше всего это снижение заметно в судостроительстве, а затем в производстве орудий и боеприпасов. Нельсон обратился с воззванием к рабочим военной промышленности — приложить все усилия к устранению упомянутого снижения.

Москва недовольна англо-американцами

Женева, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Американский корреспондент Браун на страницах «Вашингтон Стар» пишет, что в Москве наблюдаются признаки недовольства откладыванием военных планов западных держав. Повидимому, Москва возмущена тем, что операции, предусмотренные на Средиземном море, отложены до осени. Вполне понятно, что Москва ожидает крупного наступления англо-американцев на Западную Европу еще в течение этого года. Кроме того, Москва нуждается в подвозе продовольствия, однако, «едва ли в достаточной мере, поскольку СССР и впредь должен кормить миллионы солдат на фронте». В статье, помещенной в газете «Балтийский Сэй», вернувшийся из Москвы австралийский корреспондент Бланкер пишет, что большевики будут считать американское вторжение в Европу совершенно недостаточным, если итакованы будут только Сицилия и Крит, а во Франции будут созданы лишь предместные укрепления. Москва также не надеется, что предстоящее вторжение примет достаточные размеры для того, чтобы сильно повлиять на перегруппировку германских войск в течение ближайших шести или даже двенадцати месяцев.

Большевизм — страшный враг цивилизации

Лиссабон, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Официальный орган португальского легиона в своем последнем номере описывает пагубную и разрушительную деятельность большевиков во время их краткосрочного хозяйничанья в балтийских странах.

Страдания и жестокости, которые пришлось перенести несчастным балтийским народам, дают нам лишь слабое представление об ужасах, которые бы разразились над Европой, если бы большевики смогли одержать победу. Некоторые хотят утверждать, что Москва, тем временем, изменила свой «курс» и перестала быть прежним извергом. Это чистый обман. Страдания и мучения балтийских народов доказывают нам ясно противоположное, а именно, что большевизм есть и всегда останется варварским и кровожадным врагом цивилизации, благополучия и светлого будущего всех народов.

Антибританское движение крепнет

Бангкок, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Так называемый «Индийский национальный оборонительный совет» провел в пятницу в Дели, под председательством вице-короля, заседание. На нем министр внутренних дел, Максуелл, произнес речь о деятельности антибританского движения в Индии.

В конце докладов, министр гражданской безопасности сделал обзор японских надежд.

Свободный индийский радиопроцент через банковскую радиостанцию передал свои комментарии к этому заседанию. В них были подчеркнуты важность возвращения в Восточную Азию Сухазая Хандра Боуэ и его влияние на антибританское движение в Индии. Характерны также жалобы Максуелла на связь между организацией Боуэ в Восточной Азии и борцами за свободу в самой Индии.

Продовольственный кризис на Ближнем Востоке

Рим, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Доставка продовольствия в страны Ближнего Востока значительно ухудшилась. Английский министр по делам Ближнего Востока, Кеси, пригласил к себе в Каире представителей арабской прессы для попытки успокоения умов, заверив, что Англия «предпримет все в рамках возможностей» для улучшения положения и борьбы с надвигающейся голодной катастрофой. Насколько процветает дело снабжения продовольствием, доказывает заявление Кеси, что еще ни один народ Ближнего Востока не вымер от голода. Одновременно с этим он признал, что продовольственные конференции в Каире, Бейруте, Дамаске и Иерусалиме — закончились безрезультатно.

Недовольство индусов в Южной Африке

Виго, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Как сообщает «Таймс», не утихает возмущение индусов решением парламента, согласно которому ограничиваются права индусов на покупку земельной собственности и на въезд в страну. Во время встречи членов четырех индусских торговых клерк Южной Африки, Н. Р. Серкер, бывший прежде членом совещательной комиссии вице-короля в Дели, снова указал на то, что обращение южно-африканского союза с индусами отнюдь не соответствует обещаниям британских и южно-африканских государственных деятелей и противоречит тезисам пресловутой атлантической хартии.

Потоплено британское судно

Амстердам, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Как сообщает британское осведомительное бюро из Сиднея, в Индийском океане в 1000 милях от суши, торпедирован британский пароход; 23 спавшихся члена экипажа находятся в одном из австралийских портов. Две спасательные лодки до сих пор не найдены.

Михаил Антонеску в Риме

Рим, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Заместитель румынского премьер-министра, Михаил Антонеску, по приглашению итальянского правительства прибыл в Рим. Он имел несколько бесед с виднейшими членами итальянского правительства по хозяйственным вопросам и был принят Дуче. При этом выяснилась полная согласованность взглядов Италии и Румынии на политические и военные вопросы.

Один год китайской кампании

Токио, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Императорская ставка дает обзор результатов военных операций Японии в Китае с 1 июля прошедшего года. Согласно этим сведениям, Чунцинский Китай потерял на полях сражения 457.000 человек убитыми. Взяты в плен около 149.000 и сданы 9.600. Сбиты и разрушены на земле 270 самолетов.

Военные трофеи очень значительны и составляют 1.111 орудий, 86.900 гранат, 4.150 легких и тяжелых пулеметов с 474.000 патронами, 158.500 винтовок с 11.654.000 патронов. Кроме того разные суда общим водоизмещением в 16.000 брт.

Утверждение в должности Вангкомина

Пекин, 9/7. (Корр. «З. Р.»). В Пекине состоялось утверждение в должности председателя Северо-китайского комитета по политическим делам, преемника умершего Тшусена, Вангкомина.

Британцы в Иране конфискуют все автомобили

Эрзерум, 9/7. (Корр. «З. Р.»). Конфискация недавно весь урожай Ирана для нужд оккупационной армии, английское правительство теперь реквизирует все грузовые автомобили страны.

ДЕТСКАЯ ПОЧТА

Дорогие дети

Права ли я была, когда говорила, что рассказ «Золотой линь» понравится больше мальчикам, чем девочкам? Сейчас, наверное, мальчики целые дни проводят на речках и ловят рыбу. А те, кто поменьше, и сами еще ловить рыбу не умеют, сморгают, как другие вытаскивают из воды маленьких серебристых рыбешек.

Ребята! Может быть кому-нибудь из вас тоже удалось поймать Золотого линя? Отдыхайте, ребята, как следует, купайтесь, ловите рыбу, загорайте на солнышке, набирайте новых сил для длинной зимы. Помните все время о «Двенадцати докторях». Будьте с ними постоянно в дружбе и тогда вы будете всегда здоровы. Вам не нужны будут ни пилюли, ни микстуры, ни порошки. Вы будете всегда бодрыми, веселыми, крепкими и тогда осенью вам будет легко учиться.

А теперь прочтите русскую народную сказку о коте «Котофее Ивановиче» и о лисице-девице «Лизавете Ивановне».

Кот и лисица

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, но такой баловник, что просто беда! Надоед он досмерти. Вот

мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понес в лес. Принес и бросил его в лесу — луская пропадает.

Кот ходил, ходил и набрал на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть — пойдет в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошел кот гулять, а навстречу ему лисица. Увидела кота и дивится:

«Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лисица коту и спрашивает:

— Скажи, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает: — Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лисица. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама все спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица — девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лисица добывать припасов, а кот остался дома. Бегала, бегала лисица и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лисица! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, тогда я сам отниму!

— А я рассказу Котофее Ивановичу, он тебя смерти предаст.

— А кто такой Котофей Иванович? — Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была

лисица-девица, а теперь нашего воеводу жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придется, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а не то, брат, тебе туго придется!

Волк побежал за бараном, а лисица — домой.

Идет лисица и повстречался ей медведь:

— Стой лисица, кому утку несешь? Отдай мне,

— Ступай-ка, ты, медведь, подбродь, а то скажу Котофее Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович? — А который прислан к нам из сибирских лесов воеводой. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводу — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидал, а то тебе туго придется!

Медведь пошел за быком, а лисица — домой.

Вот принес волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дождаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови, — говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон, я мохнат, косялоп, куда мне!

Вдруг откуда ни возьмись — бежит заяц. Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит: — Я ползу на сосну.

А волк ему говорит: — А я куда денусь? Ведь я на дереве не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядел.

(Окончание см. на 5-ой стр.)

Собирайте лекарственные растения

Сбор лекарственных трав вообще нужное и полезное дело, а теперь в особенности. Для того, чтобы получить лекарственные растения высокого качества, необходимо при сборе, сушке и упаковке соблюдать следующие правила:

1. Собирают лекарственные растения в то время, когда они содержат лечебные вещества в большом количестве.
2. Сбор растений производить только в хорошую погоду, когда они совершенно обсохнут от росы или дождя. Травы, собранные в сыром состоянии, при просушке темнеют и дают плохой материал.
3. Собранные растения нельзя долго хранить в корзинах или мешках. Сразу после сбора их надо разложить для просушки. Нельзя на ночь оставлять растения неразобранными в кучах. От этого они темнеют и из них нельзя получить первосортного продукта.
4. Собранные лекарственные травы не должны содержать примесей других растений.
5. Сушку лекарственных трав и цветов производить в тени на чердаках под железной крышей в хорошо проветриваемом помещении или на специальной сушилке. Нельзя сушить лекарственные травы на солнце, ибо тогда они выгорают и теряют свои лечебные свойства.

Относительно заготовки цветущих лекарственных трав надо сказать следующее: цветы собираются в начале цветения и немедленно сушатся без доступа солнечных лучей.

Сушку цветов необходимо производить тщательно на чердаке под железной крышей или в помещении, где есть сквозняк, их рассыпают тонким слоем на чистой рогожке или на сетке и ворошат несколько раз в день. Сушеные цветы упаковываются в чистые ящики и сохраняются в

сухом прохладном помещении, где нет посторонних, сильно пахучих веществ, как керосин, деготь и прочее. Из сорока килограммов сырых цветов получают от 6 до 12 килограммов сушеных.

Листья и стебли собираются во время цветения, при этом необходимо следить, чтобы не попадали другие растения и чтобы собираемый материал не был загрязнен какими-либо примесями. Сушка производится под железной крышей или в хорошо проветриваемом помещении. Травы рассыпаются тонким слоем на решета или полотно, а иногда из трав вяжутся небольшие пучочки и подвешиваются на шнурах под крышей. Из сорока килограммов сырых листьев выходит, в среднем, 8 килограммов сухих.

Корни собираются осенью после увядания растений или весной до полного развития листьев, очищаются от земли и обмываются холодной водой. Сушка происходит на воздухе, под железной крышей, в сушильне или русской печи, но при температуре не выше 40—50 градусов. Толстые кор-

ни расщепляются по длине для того, чтобы ускорить сушку. Высушенные корни несколько раз вытряхиваются на решете, чтобы отделить от них песок и пыль. Готовые корни не должны быть влажными, заплеменными и поврежденными насекомыми. Упаковка — в мешки, кули или запресованные кипы. Хранение — в сухом прохладном помещении.

Ягоды собираются зрелыми, без примесей черешков и листьев. Зеленых или перезревших мятых ягод не должно быть. Сушка производится на рамках, обтянутых редким полотном или в плодовых сушилках. Сушеные ягоды должны быть совершенно чистыми. Упаковываются в мешки. Сохраняются в сухом помещении.

Семена — должны быть хорошо вызревшими, сухими, чистыми от примесей и сора, без затхлого запаха. Упаковка в мешках. Сохранение в сухом помещении. Описание наиболее употребительных дикорастущих лекарственных растений, на которые имеется спрос, можно получить в ближайшем приемном пункте.

С. Н.

Прореживание овощей

Прореживание овощей делается в то время, когда у растений образуется первый настоящий лист. Обычно это совпадает с первой полкой, поэтому прореживание и первая полка составляют один процесс. На плодородных почвах прореживание производится одновременно с выборкой пучкового товара. Корнеплоды, салат и шпинат не следует сразу прореживать на окончательное расстояние в рядах. Более густое состояние растений в первый период их роста является некоторого рода страховкой от вредителей и неблагоприятной перемены погоды.

При первом прореживании, которое проводится в июне месяце, оставляется в ряду растения корнеплодов (свекла, морковь, петрушка, пастернак, редис, репа), и листовых (шпинат, салат) на один-два сантиметра. При первом прореживании оставляются более сильные всходы — перенцы и вырываются более слабые — последыши.

Второе прореживание производится через две-три недели после первого. К этому времени растения уже настолько разовьются, что могут быть использованы, как пучковый товар. Это есть первый выборочный сбор урожая. При втором прореживании на пучковый товар следует выбирать более развитые растения только из залущенных мест. Сильно изреживать ряды нельзя. Растения, находящиеся в правильном расстоянии друг от друга, должны быть оставлены на месте. При однострочных или двухстрочных посевах в междурядьях в 50 сантиметров оставляются окончательные расстояния в рядах: для моркови, петрушки и репы — четыре-шесть сантиметров; для свеклы, пастернака, редьки и листового салата — шесть-восемь сантиметров. Для кочанного салата — 15—25 сантиметров, в зависимости от крупности сорта. Огурцы и фасоль при первой полке сразу прореживаются на следующие расстояния: крупноплодные, длинные сорта «Вязниковские» на 8—10 сантиметров при междурядьях в 90 сантиметров. Мелкоплодные, короткоплодные сорта «Муромские» на 5—8 сантиметров при

междурядьях в 50 сантиметров. Лук, посеянный семенами в один год на высокоплодородных почвах не прореживается, а на среднеплодородных почвах прореживается один раз на четыре-пять сантиметров. Агроном Б. Н.

Культурное хозяйство — залог благополучия

Псков когда-то славился обилием садов. Псковские яблоки занимали всегда одно из первых мест на рынках. Жестокое морозы 1939-41 г. г. погубили сады, и теперь большая часть их на территории города превращена в огороды.

Что можно получить с площади такого сада-огорода, наглядно демонстрирует хозяйник-практик Г. А. Ожогин, которому уже на второй год удалось залущенный и заросший сорняками участок превратить в культурное и показательное хозяйство.

Засадив весь участок огородными культурами, Г. А. Ожогин заставил землю давать ему по два урожая в году. На одних грядках он выстилал рассаду: помидор, капуста, морковной свеклы, брюквы, всевозможных цветов, а на других — чтобы созрели ранний редис. Собрав урожай, он на этих же грядках рассадил приотделенную рассаду помидор, капусту и других культур. Выгнав раннюю картофель, он между ней на этой же земле без какого либо ущерба для картофеля, вырастил и бобы, обещающие ему хороший урожай. На этом же маленьком участке у него организовано и семенное хозяйство, на котором он производит опыты отбора семян лучших культур.

Прилегающий к дому двор Г. А. Ожогин засадил: яблонями, сливами, вишнями, коринкой, малиной, смородиной и крыжовником. Ягодники уже в этом году дают хороший урожай.

Показывая свой огород, хозяин рассказывает:

— Вы посмотрели бы, какой вид этот огород имел весной прошлого года, когда я возвратился сюда, тогда бы вам стало понятно, что сделано здесь за полтора года! Все, что вы здесь видите, стоило мне больших мозолей, да иначе и быть не может: хочешь быть хозяином, умей сам работать!

Искореняйте сорняки до обсеменения

Первая половина июля — время наиболее усиленного роста сорняков на овощных посевах. Сорняки в овощеводстве являются злейшим бичом, с которым не могут справиться никакие стихийные бедствия. Сами по себе овощные культуры не в состоянии вести борьбу с приспособившимися к любой обстановке сорняками. Сорняки бывают однолетние, двухлетние и многолетние. Главная масса овощных сорняков — это однолетники. Живут они один год. Весной из семян появляются всходы, растение цветет, дает семена. Зеленое растение погибает, перезимовывают только семена. В меньшем количестве встречаются двухлетники. Двухлетники в первый год развивают только прикорневую розетку листьев. На второй год они цветут, дают семена и засыхают. Часто однолетники, взшедшие поздно, не успевают закончить рост к зиме. Большинство из них в этом случае погибает, но некоторые, более холодоустойчивые, перезимовывают, и, подобно двухлетникам, продолжают развиваться следующей весной и отцветают очень рано. Всходы многих сорняков появляются в течение всего лета, так как в почве очень много семян, которые могут быть в обсеменяющемся состоянии. Растения с коротким периодом роста могут обсеменять всю вторую половину лета. Своевременной прополкой овощей нужно добиваться уничтожения сорных трав до их созревания. Это даст возможность не только уменьшить количество сорных трав и очистить овощные участки от сорняков, но и обеспечить высокий урожай овощей.

Агроном Б. Н. Маклаков.

С верным помощником

Во всех районах освобожденных областей крестьянам, ведущим образцово свое хозяйство и выполняющим нормы по поставкам, выделены хутора и предоставлена тягловая сила. На снимке — крестьянин-хуторянин со своим конем, полученным от Хозяйственной Комендатуры.

Уборка клеверного сена

Клеверное сено убирают не так, как луговую траву. Кто не знает правильного способа сушки клевера, часто получает вместо сена, один палки.

Нельзя допускать, чтобы клевер высыхал на покосах, особенно клевер одноукосный, у которого очень толстые, мясистые стебли. Пока они высохнут, все листья и цветочные голови, то есть самая питательная часть клевера — пересохнут и осыпятся. Если высушивать только эти листочки и убирать клевер, не досушивши стебля, то клевер быстро согревается в скирдах и сено может сгореть.

Узнать, хорошо ли высохло клеверное сено, можно по его стеблям. Если нет сырости в самых толстых стеблях, значит, клевер готов. В наших местах, где много лесов, клевер сушат на полях. Проваливая его на покосах, пока подсохнут листики, чтобы он высохал на воздухе. При этом клевер не трогают, не переворачивают, и листочки не опадают. Когда стебли высохнут хорошо, рано утром или поздно вечером, при росе, клевер убирают в скирды.

Это — сложный способ уборки, так как нужно много жердей. Высушивать клевер можно и другим способом. Скошенный кле-

вер оставляется на покосах один или два дня. Потом утром или вечером клевер сгребают и складывают в небольшие копны в метр шириной — метр высоты. Клеверу, сложенному в копнах, дождь не вредит. В копнах клевер остается три дня, пока не согреется. В холодную погоду он согревается медленнее. Нужно всунуть руку в середину копны и узнать, согрелся ли клевер и не трогать копны, пока он не согреется. Если сено в середине копны согрелось, тогда в ясную погоду на солнце его раскладывают не толстым слоем. Так как в это время влаги в стеблях осталось мало, то сено чрезвычайно быстро высыхает. Обычно до обеда снопы раскладывают, а после обеда складывают опять. Высушенное таким образом сено — самое лучшее и питательное. Такой способ сушки клевера имеет еще и одно преимущество, что уборка его производится очень быстро, в пять-шесть дней. А так как клевер очень быстро отрастает, то очень важно убирать его скорее с поля. Косят клеверное сено в период его цветения не допуская до полного расцвета. Лучше собрать два укоса молодого клевера, чем один укос старого.

В. Осипов.

Уход за пчелами летом

По мере того, как пчелиные семьи входят в силу, пчеловод должен расширять гнезда, ставя рамки с хорошо просвечивающей пчелиной сушью на края гнезда, к детве, но не между рамками с детвой.

Если меду в улье мало, то следует взять рамки с хорошими порожними сотами и наполнить их сиропом с помощью шприца или садовой лейки. Это — лучший способ кормления безмедных семей. Если нет запаса рамок с сиропом, а взяток хороший и погода теплая, то дают рамки с искусственной вошницей. Эти рамки, если они навощены с помощью натянутых проволок ставят к детве, а если без проволок, то лучше ставить на края гнезда к стенкам, чтобы вошница не вытеснялась. Вошница в этом случае должна быть плотнее — пять листов в 400 грамм из рамки Далада. При расширении гнезда надо, прежде всего, руководствоваться силой семьи. Если пчелы сидят на крайних рамках, или они начинают выбираться за доску, то такому улью необходимо дать пару рамок. Здесь приходится сообразовываться не только с наличием пчел, но и с той, которая выведется из печатной детвы. В тех случаях, когда магазин открывать еще рано, а между тем гнездо загромождено детвой и медом, можно или отобрать рамку — другую с медом, или если позволяет объем кузова, дать лишние рамки, выгнав в крайнем случае вставную доску. Вопрос, как часто нужно делать осмотры гнезд до роения, решается в зависимости от погоды, взяток и силы семей, но не чаще одного раза в неделю. Чтобы не прозевать смены матки и во время удалит трутня, не следует доводить его до трех недель и больше.

Чтобы не приходилось очень часто беспокоить пчел осмотрами из опасения голодных, надо оставлять в ульях не менее двух килограммов меда. Если стоит плохая погода и она затягивается то следует обходить пасеку и прослушивать ульи, как пчелы отзываются на стук: если шестестом, то пчелы страдают от недостатка запасов. Магазины открывают по желанию на спусковой или на сотовый мед. В первом случае семьям до роения избегают давать полурамки с трутневыми сотами, но темную вошницу давать можно. Сделанный запас полурамки с сиропом идет из года в год, явля-

ясь ценным изобретением для благоустроенной пасеки. Во втором случае дают или полурамки с начатками или с тонкой искусственной вошницей или секции, то есть маленькие рамочки на 400 грамм меда. Из первых можно сотовый мед вырезать и укладывать в коробочки со стеклянными крышками.

Ч. Сер.

Как получить урожайные сорта огурцов

Огурцы — самая распространенная культура овощей, которую можно найти в каждом маленьком огороде, но не всегда она одинаково вознаграждает хозяина за его труды. В одном случае большие плети, много листьев, много цветов, но мало завязи, мало огурцов; в другом случае и огурцов много, но они настолько горьки, что их нельзя есть. Это происходит потому, что хозяева-огородники почти никогда не подбирают огуречных семян, а берут на семена случайно оставшиеся и перезревшие огурцы, при этом не из первых, а чаще всего из последних. Такой способ случайного отбора семян, вполне понятный, дает плохие сорта огурцов на следующий год.

В Пскове есть небольшое показательное хозяйство агронома Г. А. Ожогина. На своем маленьком участке двора у него между другими культурами есть также и ранние огурцы, высаженные из парника. Особенность, бросающаяся в глаза — почти полное отсутствие пустоцвета, каждый цветок имеет завязь, что далеко не всегда можно встретить. Вот способ отбора огуречных семян, практикуемый Г. А. Ожогиним:

Как только появляются первые огурцы, он осматривает всю грядку и отыскивает в ней корни с наибольшим количеством завязей на одной плети. Найдя, он берет из каждой по одному огурцу, чтобы определить их вкус, и если они и по вкусу хороши, то есть без горечи, то эти огурцы он и оставляет на семянники, отмечая их тычинками. Когда огурцы совсем созреют и начинают уже преть, он их срывает, перебирает, уже пополам, оставляя на семена часть огурца от плодоножки и выбрасывая вторую половину от цветка. Собранные таким образом семена обсеменяют его хорошим урожаем.

П. Зубов.

Работа в июле

(Сельскохозяйственный календарь).

В огородах продолжается уход за посадками. Идут вторая и третья полки, окулировка картофеля и поливка. Сенокос и уборка сена — главные работы в начале июля. С уборкой сена нужно спешить, чтобы окончить ее ко времени уборки хлебов. Начинают подымать пар для посева ржи. В дождливые и сырые дни приготавливаются к наступающей уборке хлебов. В конце месяца — начало посева озимой ржи.

Наблюдают за летним ягнением овец. Отделяют ягнят от маток. Подкармливают скот зеленой выковой смесью. К середине июля заканчивают случку кобыл.

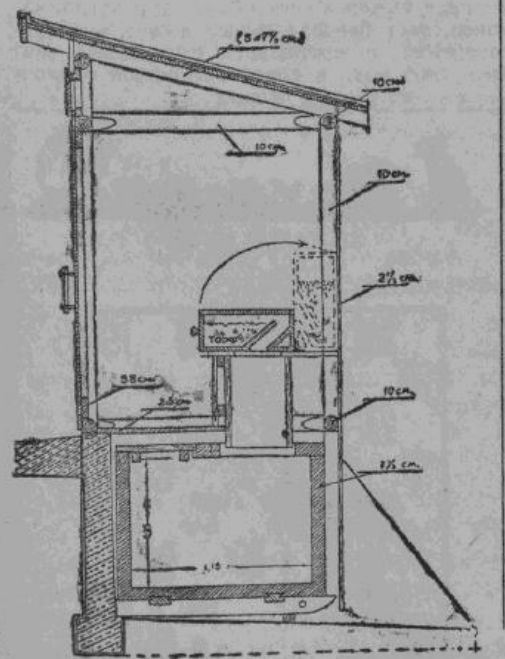
Пропаляют питомник. В плодовом саду производят окулировку деревьев. Рыхлают почву и окапывают плодовые деревья, а также зарывают около корней их перегной. Наблюдают за роением пчел. В садах поспевают малина, черная и красная смородина. Перекапывают отпрыски земляники и клубники. Несмотря на то, что дни в июле постепенно убывают, — этот месяц самый жаркий в году. Отлично это время называют «макушкой лета». В июле бывает много гроз и дождливых дней. В начале месяца цветет липа.

Каждое крестьянское хозяйство должно быть благоустроено

Уже из помещичьего здесь рисунка, не читая даже статьи, можно судить, о каких удобствах в сельском хозяйстве идет речь. До сих пор наш крестьянин мало заботился об элементарных удобствах и большинство хозяйств были лишены самых простых приспособлений.

Удобно устроенное отхожее место является элементарной необходимостью в каждом доме и ни один крестьянин не может считаться хорошим хозяином, если в его доме не будет уборной и если она не будет содержаться в надлежащей чистоте.

Устройство отдельного отхожего места необходимо с двух точек зрения: во-первых, из гигиенических требований и, во-вторых, из-за необходимости увеличивать запас удобрения.

Гигиена требует, чтобы каждая уборная была бы удобна, чиста и без резкого запаха. Для собирания удобрений ее надо устроить так, чтобы отбросы можно было легко использовать.

Если соблюдать правила гигиены, тогда легко достигается и вторая цель — больше накапливается удобрений, которые можно использовать для повышения урожая.

Этого легко достигнуть, если каждый раз после пользования уборной, насыпать на яму мелкого торфа, что предохраняет от зловония и избавляет от мух, носящихся обычно тучами над такими местами. Помимо этого, такой способ дает возможность употребить содержимое ямы, как удобрение для всех культур, в особенности для картофеля. Во избежание размножения различных кишечных паразитов, такое удобрение, а также приготовленной компост, не следует употреблять для овощей.

Постройка отхожего места, как видно из помещичьего рисунка, очень проста. Устроенное таким образом отхожее место отвечает всем требованиям гигиены и дает возможность накопить достаточное количество удобрения. Размер — показан в метрах и сантиметрах. Как видно из рисунка, для собирания отбросов навоза устроен ящик. Не будет большой ошибкой, если вместо ящика вырыть яму, края которой обкладываются досками или палками, чтобы земля не обсыпалась.

Для торфа необходимо устроить ящик, как это показано на рисунке и прикрепить его к краю отверстия для сидения. Обычно ящик находится в том состоянии, как это показано на рисунке и служит крышкой для отверстия. При надобности ящик с торфом поднимают и в это время торф пересыпается в нижнюю часть ящика, а затем сыпется в яму. Можно поступать еще проще, не устраивая ящика, а просто держа торф в какой-либо посудине и каждый раз после употребления уборной сыпать его доплаткой в яму. Если соблюдать все эти правила, в отхожем месте не будет тяжелого запаха и собранные отбросы будут служить ценным удобрением.

Морозов.

Косцы

Иван Голушин

Мы зашли далеко от дому и шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу по близости от нее — и пели.

Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утраченный густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликался им. Мы, слушая, сперва замедлили шаги, потом и совсем остановились. Это было поистине нечто чудесное. Никогда и ничего подобного не доводилось нам слышать.

Могла ли быть новостью предель русской народной песни для нас, родившихся, выросших в русской деревне? Мало ли мы слышали песен на сенокосах, на праздниках, на свадьбах? И однако было именно так: мы были очарованы, мы заслушались. Мы изумленно переглядывались, затаив в груди дыхание, а в сердце восторг.

Кругом нас были поля, глушь серединой, исконной России. Было предвечернее время простого и прелестного июньского дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглушками колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонилось к западу, стало заходить в красивые легкие облака, еще более смягчая синь за дальними извалами полей и перелесков и бросая к закату, где небо уже золотилось, огромные светлые столпы, как пиют их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет да никогда не было ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой — или благополучной — Богом стране. И они шли и пели среди ее вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззастенчивостью. И березовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и волноно, как и они пели.

Что только не было говорено и написано о русской песне! Но, нет, в том, что слушали мы, было нечто еще ни разу и никем не сказанное.

Косцы были «сладкие», рязанские. Они несвойственно артефициально проходили по нашим местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях еще более плодородных, чем наши. И они были как-то особенно беззаботны и дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз. Были «охочи к работе», несознательно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то странно и добротнее, чем наши, — в обычаях, в языке, — опрятней и красивей в видном и одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно узавязанными оными, чистыми портками и рубашками с красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

С неделю перед этим они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая венок, как они заходили на работу, пополу-дневашки: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют хорошие, здоровые русские бабаки, — потом крестились и бодро сбегая к месту с белыми, блестящими, наведенными как бритва косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли ровной чередой, не напрягаясь, не торопясь, не думая о работе. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, дожками таскали из чугуна и ели большие куски чего-то розоватого.

Я сказал:
— Хлеб-соль, здравствуйте!
Они ответили приветливо и оживленно:
— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядываясь, я с ужасом увидел, что то, что ели косцы, были страшные своим ядом и дурманом грибы — мухоморы. А они только засмеялись:
— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: — «Ты прости, прошай, любезный друг!» — подвигаясь по березовому лесу, бездумно линая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не выказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели и чувствовали мы, и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но

кровном родстве, которое было между ними и нами и между ними, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим по-левым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем закате, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по-полю, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была уже совсем несознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это была как будто и не песня, а именно только вздох, подтемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись

Косцы были «сладкие», рязанские. Они несвойственно артефициально проходили по нашим местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях еще более плодородных, чем наши. И они были как-то особенно беззаботны и дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз. Были «охочи к работе», несознательно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то странно и добротнее, чем наши, — в обычаях, в языке, — опрятней и красивей в видном и одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно узавязанными оными, чистыми портками и рубашками с красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

С неделю перед этим они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая венок, как они заходили на работу, пополу-дневашки: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют хорошие, здоровые русские бабаки, — потом крестились и бодро сбегая к месту с белыми, блестящими, наведенными как бритва косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли ровной чередой, не напрягаясь, не торопясь, не думая о работе. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, дожками таскали из чугуна и ели большие куски чего-то розоватого.

Я сказал:
— Хлеб-соль, здравствуйте!
Они ответили приветливо и оживленно:
— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядываясь, я с ужасом увидел, что то, что ели косцы, были страшные своим ядом и дурманом грибы — мухоморы. А они только засмеялись:
— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: — «Ты прости, прошай, любезный друг!» — подвигаясь по березовому лесу, бездумно линая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не выказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели и чувствовали мы, и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но

кровном родстве, которое было между ними и нами и между ними, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим по-левым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем закате, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по-полю, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была уже совсем несознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это была как будто и не песня, а именно только вздох, подтемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись

Косцы были «сладкие», рязанские. Они несвойственно артефициально проходили по нашим местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях еще более плодородных, чем наши. И они были как-то особенно беззаботны и дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз. Были «охочи к работе», несознательно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то странно и добротнее, чем наши, — в обычаях, в языке, — опрятней и красивей в видном и одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно узавязанными оными, чистыми портками и рубашками с красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

С неделю перед этим они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая венок, как они заходили на работу, пополу-дневашки: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют хорошие, здоровые русские бабаки, — потом крестились и бодро сбегая к месту с белыми, блестящими, наведенными как бритва косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли ровной чередой, не напрягаясь, не торопясь, не думая о работе. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, дожками таскали из чугуна и ели большие куски чего-то розоватого.

Я сказал:
— Хлеб-соль, здравствуйте!
Они ответили приветливо и оживленно:
— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядываясь, я с ужасом увидел, что то, что ели косцы, были страшные своим ядом и дурманом грибы — мухоморы. А они только засмеялись:
— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Косцы были «сладкие», рязанские. Они несвойственно артефициально проходили по нашим местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях еще более плодородных, чем наши. И они были как-то особенно беззаботны и дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз. Были «охочи к работе», несознательно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то странно и добротнее, чем наши, — в обычаях, в языке, — опрятней и красивей в видном и одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно узавязанными оными, чистыми портками и рубашками с красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

С неделю перед этим они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая венок, как они заходили на работу, пополу-дневашки: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют хорошие, здоровые русские бабаки, — потом крестились и бодро сбегая к месту с белыми, блестящими, наведенными как бритва косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли ровной чередой, не напрягаясь, не торопясь, не думая о работе. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, дожками таскали из чугуна и ели большие куски чего-то розоватого.

Я сказал:
— Хлеб-соль, здравствуйте!
Они ответили приветливо и оживленно:
— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядываясь, я с ужасом увидел, что то, что ели косцы, были страшные своим ядом и дурманом грибы — мухоморы. А они только засмеялись:
— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: — «Ты прости, прошай, любезный друг!» — подвигаясь по березовому лесу, бездумно линая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не выказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели и чувствовали мы, и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но

кровном родстве, которое было между ними и нами и между ними, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим по-левым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем закате, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по-полю, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была уже совсем несознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это была как будто и не песня, а именно только вздох, подтемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись

Косцы были «сладкие», рязанские. Они несвойственно артефициально проходили по нашим местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях еще более плодородных, чем наши. И они были как-то особенно беззаботны и дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз. Были «охочи к работе», несознательно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то странно и добротнее, чем наши, — в обычаях, в языке, — опрятней и красивей в видном и одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно узавязанными оными, чистыми портками и рубашками с красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

С неделю перед этим они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая венок, как они заходили на работу, пополу-дневашки: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют хорошие, здоровые русские бабаки, — потом крестились и бодро сбегая к месту с белыми, блестящими, наведенными как бритва косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли ровной чередой, не напрягаясь, не торопясь, не думая о работе. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, дожками таскали из чугуна и ели большие куски чего-то розоватого.

Я сказал:
— Хлеб-соль, здравствуйте!
Они ответили приветливо и оживленно:
— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядываясь, я с ужасом увидел, что то, что ели косцы, были страшные своим ядом и дурманом грибы — мухоморы. А они только засмеялись:
— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: — «Ты прости, прошай, любезный друг!» — подвигаясь по березовому лесу, бездумно линая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не выказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели и чувствовали мы, и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но

кровном родстве, которое было между ними и нами и между ними, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим по-левым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем закате, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по-полю, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была уже совсем несознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это была как будто и не песня, а именно только вздох, подтемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись

Косцы были «сладкие», рязанские. Они несвойственно артефициально проходили по нашим местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях еще более плодородных, чем наши. И они были как-то особенно беззаботны и дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз. Были «охочи к работе», несознательно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то странно и добротнее, чем наши, — в обычаях, в языке, — опрятней и красивей в видном и одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно узавязанными оными, чистыми портками и рубашками с красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

С неделю перед этим они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая венок, как они заходили на работу, пополу-дневашки: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют хорошие, здоровые русские бабаки, — потом крестились и бодро сбегая к месту с белыми, блестящими, наведенными как бритва косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли ровной чередой, не напрягаясь, не торопясь, не думая о работе. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, дожками таскали из чугуна и ели большие куски чего-то розоватого.

Я сказал:
— Хлеб-соль, здравствуйте!
Они ответили приветливо и оживленно:
— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядываясь, я с ужасом увидел, что то, что ели косцы, были страшные своим ядом и дурманом грибы — мухоморы. А они только засмеялись:
— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: — «Ты прости, прошай, любезный друг!» — подвигаясь по березовому лесу, бездумно линая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не выказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели и чувствовали мы, и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но

кровном родстве, которое было между ними и нами и между ними, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим по-левым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем закате, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по-полю, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была уже совсем несознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это была как будто и не песня, а именно только вздох, подтемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись

Косцы были «сладкие», рязанские. Они несвойственно артефициально проходили по нашим местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях еще более плодородных, чем наши. И они были как-то особенно беззаботны и дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз. Были «охочи к работе», несознательно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то странно и добротнее, чем наши, — в обычаях, в языке, — опрятней и красивей в видном и одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно узавязанными оными, чистыми портками и рубашками с красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

С неделю перед этим они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая венок, как они заходили на работу, пополу-дневашки: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют хорошие, здоровые русские бабаки, — потом крестились и бодро сбегая к месту с белыми, блестящими, наведенными как бритва косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли ровной чередой, не напрягаясь, не торопясь, не думая о работе. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, дожками таскали из чугуна и ели большие куски чего-то розоватого.

„Настоящие свиньи!..“

Как англичане издевались над Достоевским

Англичане в предреволюционные годы, точно чувствуя, что настает время, когда им придется «полюбить» Россию, хотя бы советскую, стали проявлять нежные симпатии к русской литературе и даже начали ставить в своих театрах переделки на великих произведений русских классиков. При этом англичане со свойственной им расе наглостью, совершенно не считались ни с мыслью, ни с текстом бессмертных русских творений и при своих театральных переделках позволяли себе самые грубые кощунства.

Русская печать того времени с возмущением отзывалась о таких английских постановках и в одном журнале англичане за свое отношение к русскому искусству были даже названы «настоящими свиньями...»

Одна из передовых русских газет неза-

после смерти спавшегося с горя отца оставило двое маленьких сестер. Уроки лет, нечем заплатить за квартиру, а хозяин дома, наглый, жестокий и властолюбивый старик, пытая нечестно намерения к девушке, с особенной настойчивостью требует уплаты, думая этим сломить ее упорство. Раскольников защищает честь девушки.

В последнем акте мы застаем Раскольникова у Соии. Он убеждает ее оставить Россию и отправиться вместе с ним в Швейцарию, где они живут новой жизнью.

Но Соия неумолима: она настаивает на необходимости искупить тяжелый грех. Здесь-то происходит та сцена, которая всего сильнее «пробирает» публику. Соия с своей младшей сестренкой читают молитву (!). И Раскольников, до того неумолимый, непреклонный в своем безверии, побежден,

Судья Бутс (I) в «веселительном саду» на Неве, зонтиком указывает на Раскольникова, отдавая этим приказ городовым об аресте «опасного бунтовщика». (рис. с фототрафии).

долго перед революцией в следующих словах описывала постановку пьесы «Преступление и наказание», переделанной из романа Достоевского.

«Английский автор, — писал корреспондент газеты, — не посмел вывести Соию Мармеладову перед англичанами в ее подлинной роли, ибо этого не потеряло бы пресловутое английское ханжество.

И вот, мы видим Соию Мармеладову, переделку — Соию... Мартину, в роли добродетельной, сентиментальной, фанатически религиозной девушки, типичной героини с слезливым мелодрам с благополучным концом. По переделке, Соия бедствующая учительница музыки (!), на руках которой

умилен и решает отдать себя в руки правосудия.

Если прибавить, что текст этой кощунственной переделки уснащен еще спешной пиканткой, на которой юные русские революционеры отплясывают гопака и дуят водку, как воду, что Раскольникова хватают за сочувствие бунтовщикам и судят его какой-то судья Бутс с неизменным зонтиком в руках, то легко себе представить, во что превратилось гениальное произведение Достоевского, в трактате англичан.

Свою статью об этом литературном кощунстве русский автор заканчивал правильными словами: «Провсеченные мореплаватели, а в искусстве — настоящие свиньи!» В. Ф.-ов.

Миллион за перевод ФАУСТА

Из литературных силуэтов далекого прошлого

В кругах старого литературного Петербурга в свое время пользовался известностью переводчик Александр Николаевич Струговщиков.

Завистливые Струговщикову доставляли его фантастическая вылобленность в гетевского «Фауста».

Для него «Фауст» был альфой и омегой всемирной литературы, величайшим из произведений, созданных человеческим гением, своего рода литературным божеством, к которому надо подходить только для совершения священнодействия.

Итак именно отношении к «Фаусту» он хотел внушить всем, с кем только приходилось ему говорить.

Он знал всего «Фауста» в подлиннике наизусть и готов был в любое время цитировать из него целые страницы.

Александр Николаевич Струговщиков, — как свидетельствует даже «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, принадлежал к числу лучших русских переводчиков; Белинский купившись его переводами из Гете и Шиллера. Переводил он вполне, но очень литературно, и если отступал от букв подлинника, то всегда передавал его дух. При этом, в отличие от многих других переводчиков, это был человек образованный.

Состоя на службе в военном министерстве, где он занимал довольно видный и хорошо оплачиваемый пост и, кроме того, происходил из зажиточной семьи, Струговщиков, как он сам часто повторял, занимался переводами «не ради металла», а сопamore — из любви к делу. Переводы его помещались в лучших журналах.

В 1877 году у одного из известных издателей Вольфа явилась мысль издать «Фауста» по-русски с только что появившимися тогда в Мюнхене великолепными картинками Лизен-Майера.

В то время «Фауст» был известен русской публике по семи различным переводам. Старейшим из них был перевод Эдуарда Губера, изданный в 1838 году.

Решив выпустить роскошное издание «Фауста» с иллюстрациями Лизен-Майера, Вольф обратился к Струговщикову с вопросом, не согласится ли он уступить для этого издания свой перевод.

— Я согласен, — ответил Струговщиков, — но хватит ли у вас средств оплатить мой труд.

— Сматра по тому, сколько вы запросите.

— Миллион, и ни копейки меньше! — воскликнул Струговщиков.

— Но позволить, такого гонорара не получил даже сам автор «Фауста», — заметил издатель.

их шести переводов и что, выступая самостоятельно со своим переводом, он должен дать читающей публике такой труд, который «по своим достоинствам равнялся бы подлиннику».

Все попытки свести разговор на более реальную почву долго не давали желанного результата: Струговщиков каждый раз повторял одно и то же:

— Миллион, и ни копейки меньше!

Как ни странно казалось слышать эти слова от восторженного поклонника Гете, но Струговщиков и на самом деле долго не хотел соглашаться ни на какие уступки.

Странный был этот Струговщиков. Он увлекался творцом «Фауста», как увлекаются обыкновенно лишь юные, молодые поэты какой-нибудь Беатриче. А между тем, это был в то время уже почтенный старик. Крайне подвижной, разговорчивый, размахивавший руками, декламирующий вслух, где бы с ним ни заговорить, — в театре ли, на улице, в саду — он скорее напоминал французского художника, привыкшего к обществу веселых парижанок, нежели русского действительного старика, товельника, вся жизнь которого сосредоточилась в прочтении и подписывании скучных канцелярских бумаг... А ведь, Струговщиков был именно действительным статским советником и одним из самых усердных, самых строгих, самых аккуратных чиновников.

Как поэт, поэт - переводчик, он не искал славы, а работал исключительно из самой горячей и искренней любви к избранному делу, из желания дать своим соотечественникам возможность прочесть творение любимого автора в переводе, насколько возможно близко подходящем к оригиналу. В верной передаче гетевского поэмы на русском языке он видит подлинник и даже однажды, проговорившись, заметил, что хорошо перевести «Фауста» — это значит создать себе такой памятник, к которому еще зарастет народная тропа, и в сравнении с которым памятники, на которые претендуют ныне оригинальные поэты, — карлики рядом с великаном.

— Как вспомню я только, сколько бесчисленных ночей провел я, благодаря зумоному мной переводу, каким отсутствием аппетита страдал я все время, пока в моей литературной кухне находился в работе этот перевод, я буквально ужасуюсь, — говорил Струговщиков. — Быть может, прибавлял он, — после моего перевода пойдут еще другие — звучнее, лучше, поэтичнее, — но в вернее едди ли кто-либо переведет «Фауста». Я готов, например, сейчас же тысячу рублей дать тому, кто лучше меня переведет вот эти знаменитые строки «Фауста»:

Толпа одной забавы просит.

А масса массу увлечет;

Кто много при себе несет,

Тот многим что-нибудь приносит.

Потеряв окончательно надежду на получение перевода Струговщикова, издатель уже собрался было заказать другим переводчиком новый перевод для предполагаемого иллюстрированного издания... Узнав об этом и желая все-таки, чтобы первое роскошное иллюстрированное издание вышло с его, Струговщикова, переводом, он изменил свое прежнее решение и заявил, что отдает право воспроизведения его переводом совершенно даром, но под условием, что с него не потребуют никакого письменного

разрешения, а удовольствуются словесным согласием. На это, однако, издатель не согласился. Переговоры продолжались несколько недель, — пока удалось уговорить Струговщикова дать требуемое письменное разрешение и согласиться на предложенный гонорар.

Когда, наконец, вопрос был решен, Струговщиков наотрез отказался от каких-либо

ЖИЗНЬ в Новой РОССИИ

Псков

Перед уборкой

На полях района идет вывозка навоза и поднятие пара. Некоторые деревни полностью подняли пар и заборонили его. Есть, впрочем, и такие места, где пар хотя и вспахан, но не заборонен и сохнет на солнце и ветру.

Во многих волостях, как например, в Тямшанской, Воронинской, Каменской, Кордовской крестьяне вышли на заготовку торфа для топлива и для подстилки скоту. Готовят косы, вяжут березовые веники, пропалывают огороды, ремонтируют жилища и хозяйственные постройки. Все эти работы нужно закончить до уборочной кампании.

Косят клевер

По всей Верхнегалловской волости приступили к покосу клевера. С каждого гектара, в среднем, снимается до двух тонн сена.

Вслед за уборкой клевера поле сразу унаваживаются и пахот под озимую рожь. Сейчас эта работа уже подходит к концу. Одновременно идет подготовка лугов к сенокосу. Луга уже очищены от камней, щей и кустарника. Прошедшие дожди благотворно отразились на росте трав. Луга заметно выправились. Ожидается хороший укос сена.

Гдов

В детском доме

Воспитанники приюта не знают безделья. Они постоянно заняты или работой или играми, и это имеет огромное воспитательное значение.

На каждой грядке в огороде доска, где записана фамилия того, кто ухаживает за данным участком. Дети целые дни проводят на огороде.

Мы посетили приют в сопровождении

школьного инспектора В. А. Дробышевской. Многие ребята она знает по имени. Два года назад они приходили к ней и просили приюта. Дети помнят теплую встречу и то материнское участие, которое проявила тогда В. А. Дробышевская. Со всех ног бегут малыши, окружая плотной стеной Веру Александровну. Через минуту двое уже у нее на руках.

У старших сегодня релакция. Нам пригласили посмотреть пьесу. Детишки спели несколько русских народных песен и проделали гимнастические упражнения. Окончилась релакция и сразу же начались занятия струнного кружка, в котором обучается двадцать детей.

Полна

Начался сенокос

В деревне Кроково крестьяне первыми приступили к покосу трав на заливных лугах. Сейчас здесь сенокос начался повсюду. От хозяйственной коммандуры получена первая партия кос. При недостатке рабочей силы на учете каждый человек. В этом году впервые на покос вышло много подростков. Дружная работа обеспечит своевременную уборку высококачественного сена.

Вологово

Курсы усовершенствования учителей

Инспектор школ В. С. Радченко сообщил, что за лето учителя Вологовского района пройдут двухнедельные курсы повышения квалификации. На курсах будут преподаваться русский и немецкий языки, математика и география. Чтобы дать возможность всем учителям пройти курсы, будет проведено три семестра.

На курсах организуется питание. Занятия будут проводиться в помещениях местной сельскохозяйственной школы.

В чем успех посевной кампании

Новые нормы сдачи продуктов — залог успеха сельского хозяйства. — Посевная кампания прошла так успешно, как при военных условиях нельзя было бы и ожидать. — Посев раньше и теперь. — Земля стала собственностью обрабатывающего. — Урожай принадлежит крестьянину

Крестьянский труд теперь вполне вознаграждается. Свободно трудясь, каждый хозяин старается еще приобрести и все то, что способствует развитию сельского хозяйства — он пополняет оборудование своего земельного хозяйства и иного инвентаря.

С какой-то молниеносной быстротой появились у него комуты, сбруя, телега, плуг и борона, а иной пах и более совершенные сельскохозяйственные орудия, которые он получил от германского командования. Он любовно ухаживает за своей лошадкой, он усиленно кормит свою корову и обзаводится овдой, поросенком и курами.

Хозяин на своей земле — он, изо дня в день, наблюдает за ростом своего хозяйства и тяжелый труд его вознаграждается сознанием, что он сыт и имеет возможность продать свои избытки.

Стоит ли после всего этого удивляться тому, что успех нынешней посевной кампании был так велик. Мы твердо убеждены, что, не будь условий военного времени и тяжелого наследия коллективизации, его благосостояние выросло бы еще быстрее. Но и теперь сделано уже многое.

Нас несколько не удивляет рассказ специального корреспондента из Берлина, который, побывав на Украине, видел, что урожай там превысил самый рекордный урожай большевнического времени и что земля 27 тыс. колхозов, разделенная среди крестьян, обработана с такой тщательностью, какой большевики, несмотря на весь свой нажим на колхозного раба, добиться никак не могли. Да это и понятно. Только полная уверенность хлебороба в том, что результат его работы на собственной земле даст ему личное благо, может способство-

вать развитию сельского хозяйства и увеличить до неслыханных еще размеров посевную площадь на нашей Родине.

Пусть большевики созидают активные комсомольцы для пропаганды среди колхозников о необходимости поставки максимума зерна для тыла и фронта, пусть печатаются миллионы пропагандных брошюр, пусть создаются в помощь сельскому хозяйству научные кинофильмы и учебные агрономы измысливают новые способы увеличения урожая — все это останется безотклика до тех пор, пока хлебороб не будет хозяином на своей собственной земле. В этом нас убеждают полностью засеянные и цветущие поля освобожденной Родины.

М. Петрович.

Совещание украинских редакторов

В Николаеве состоялось совещание украинских редакторов, которое было созвано отделом прессы при генеральном комиссаре. На этом совещании были рассмотрены вопросы технического характера и, в первую очередь, необходимость хорошей организации передачи информации с мест.

Городское товарищество взаимопомощи

Заботу о нуждающихся г. Кременчуга взял на себя городское товарищество взаимопомощи. Капитал товарищества состоит из членских взносов и добровольных пожертвований по подписным листам. В скором будущем товарищество организует денежную лотерею.

Разговор с перебежчиком.

В лазарете обращает на себя внимание новое лицо. Человек лет сорока, с худым заострившимся лицом, ввалившимися щеками, с каким-то странным недоумением смотрит вокруг.

— Кто это?
— А это перебежчик. Всего лишь две недели, как добровольно перешел фронт.

Подходим, начинаем разговор.
— Ну, расскажите, каково настроение красноармейцев?

— Плохое, совсем подавленное. — отвечает перебежчик. — Воевать не хотят. С питанием ужасно, форменный голод! Представьте себе, молодежь 17—18 лет, а выглядят как туберкулезные, лица желтые, щеки ввалились. А положение гражданского населения и того хуже. Мой товарищ получил письмо от жены из деревни. Та пишет, что весь семенной картофель забрали у колхозников насильно. Хорошо, что она уже успела немного посадить, но ведь мало этого, до зимы не хватит. Вот и скажите, за что сражаться? За голодную смерть для своих близких или за карательные отряды НКВД?

— Ну, так надо переходить сюда.

— И переходят! Многие переходят сюда и еще больше перебежили бы, если бы не так трудно было. Следили ведь за каждым движением!

— Как же вам удалось?

— А вот как. Выбрал ночь потемнее и отошел от наших позиций. Такое уж мне счастье выпало, что не заметили. Ночью боялся подходить к немецким позициям, прыгнул еще за врага, убитый. Пролетел ночь в лощине между позициями. Утром оторвал кусок рукава от рубашки и использовал его, как белый флаг. Немецкий солдат протянул мне руку, и я перебежал через проволоку. Какая разница между германскими солдата-

ми и красноармейцами! Какие здесь все упитанные, бодрые, чистые, а у нас... Сердце сжимается, когда подумаешь, до чего довели большевики русский народ!

— А теперь вы доброволец?

— Да. Подобрался нас группа перебежчиков и вступила все вместе в Русскую Освободительную Армию. Можете себе представить, как радовались мы, когда узнали, что наше ходатайство удовлетворено и мы сможем бороться против большевиков.

Выполняют свой долг.

Автопарк подразделения одного из соединений Русской Освободительной Армии. Г-ботз его в зимних условиях требует большого напряжения. Бойцы и офицеры подразделения, своими руками создавшие автопарк, преодолевают все трудности. В боевых операциях транспорт образцово выполняет свою работу.

Благодаря инициативе и изобретательности, в мастерских автопарка машины ремонтируются без задержки, несмотря на отсутствие, подчас, запасных частей.

Не было отстойников. Лейтенант Крикун предложил изготовить их из меди, что и было сделано. Он же предложил и осуществил применение экономичных карбюраторов иностранных марок к нашим отечественным машинам, внес некоторые изменения. Благодаря этому экономится большое количество ценного горючего. Мастерская не имела к отечественным машинам распределителей. Слесарь-боец Ловков приспособил распределители других марок к нашим.

Бойцы и офицеры подразделения ясно осознают свои цели и задачи, предано служат делу освобождения Родины от большевизма. Сознание своего долга помогает преодолевать все трудности и препятствия, встречающиеся на нашем пути.

Ст. лейтенант Н. Меньшов.

Новые фильмы на июль месяц

В июле месяце в освобожденных областях предусмотрено демонстрировать несколько новых фильмов.

В Пскове. «Мы видели Германию». Фильм о поездке русских бургомистров и начальников районов по Германии.

Этот фильм — больше чем воспоминание для всех крестьян, рабочих и местных старшин, которые уже имели возможность побывать в Германии. Фильм не только освежает в памяти прекрасные дни, проведенные в стране порядка и культуры, но в целом ряде отдельных снимков дает каждому ясное представление о жизни в современной Германии, где, несмотря на войну и террористические воздушные нападения, народ чув-

ствует себя уверенно и бодро смотрит вперед. Берлин, Нюрнбург, Вюрцбург, Ризен-тегбирге чередой проходят перед глазами. Живые снимки промышленных предприятий, колоний рабочих и новых зданий доказывают, в какой форме Германия справляется с задачами войны. Всем, кто ближе же-лет ознакомиться с германской действительностью, этот фильм будет очень полезен.

В Гатчине. «Люди, звери, сенсации» — цирковой фильм, с участием известного артиста Гарри Пиль, а также Рут Евелер и Эдит Осс. Режиссер — Гарри Пиль.

Подписка для освобожденных областей на отдельные номера газеты «За Родину» принимается в Пскове, Великолукская улица № 26/28.

Ostland-Press-Vertrieb.

Цена подписки на один месяц

RM 1,20 = 12 руб.

стает себя уверенно и бодро смотрит вперед. Берлин, Нюрнбург, Вюрцбург, Ризен-тегбирге чередой проходят перед глазами. Живые снимки промышленных предприятий, колоний рабочих и новых зданий доказывают, в какой форме Германия справляется с задачами войны. Всем, кто ближе же-лет ознакомиться с германской действительностью, этот фильм будет очень полезен.

В Гатчине. «Люди, звери, сенсации» — цирковой фильм, с участием известного артиста Гарри Пиль, а также Рут Евелер и Эдит Осс. Режиссер — Гарри Пиль.

(Начало см. на 2-ой стр.)

дывает, не идет ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисиной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Левонем Ивановичем присла-

ли сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком и бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисой. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то, Котофей Иванович, маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взборошил, начал рвать мясо зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мяу, мяу!

Медведь опять говорит волку:

— Не велик, да прожорлив! Нам четверным не съест, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья

не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что этомышь, да как кинется, и прямо волку в морду впился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, — думает медведь, — увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печонки отбил, вскочил — да наутек.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!

С той поры все звери стали kota бояться. А кот с лисой запасались на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

А вот, еще, дети, рассказ про двух друзей.

Прочитайте этот рассказ и расскажите, кто из двух друзей поступил умнее.

Мокрый дождя не боится

Как-то летом приехал я к приятелю моему на охоту.

Я надел высокие сапоги простой кожи, на случай, если пришлось бы ходить по болоту, и кожаную куртку, на случай дождя.

Приятель же мой вышел на охоту в холстяной блузе, в таких же панталонах, и в легеньких лапотках, сплетенных из ремней.

При виде такого костюма я невольно рассмеялся и стал жалеть его, говоря, что он в первой луже промочит ноги, а если пойдет дождь, то вымокнет весь.

Но мой приятель сказал мне только, что хорошо смеяться тому, кто смеется последним.

Мы вышли до восхода солнца и по прохладе я чувствовал себя прекрасно. Но чем выше поднималось солнце, тем тяжелее мне было идти в своей кожаной куртке и высоких сапогах. Мысленно я уже завидовал своему спутнику, вида, как легко ему ходить в блузе и ремневых лаптях, но ждал дождя, чтобы доказать, что мой костюм практичнее.

Ждать пришлось недолго.

После полудня набегали тучи и пошел дождь.

Приятель мой скоро промок, а я гордо поглядывал на него, чувствуя, что все белье на мне сухо.

Но вот дождик стал чаще и чаще, и я почувствовал, что мне не мешает укрыться куда-нибудь, так как стало заливать за ворот, колени смокли и вода потекла за голенища.

А мой приятель ходил под дождем как ни в чем не бывало, и я опять завидовал ему.

Наконец дождь перестал. Выглянуло солнце и опять стало жарко.

Холстяной костюм моего спутника быстро высох, а я чувствовал, что сапоги мои набухли и стали еще тяжелее, а мокрые белье прилипло к телу и не могло просохнуть, так как кожаная куртка не пропускала солнечных лучей.

Я пришел домой мокрый и усталый, а приятель мой пришел совсем сухой и веселый.

Теперь посмеялся надо мной уже он.

Ребята! Кто из вас знает как называется это животное? Где оно живет? Чем питается? Может быть кто-нибудь его даже видел? Напишите мне об этом.

Вот и все, ребята, не отгадывали загадок, давайте попробуем раскинем, как говорится, мозгами.

Что это такое — в воде родится, а воды боится?

И вторая загадка — кто меня раздевает, тот слезы проливает?

Подумайте над этими загадками, а пока нашу «Детскую почту» на сегодня я, ребята, заканчиваю. До следующей встречи, мои маленькие читатели!

Ваша

Маша

Один — Елишка-цышка, Другой — Пуляк, а тот — Кудлашка-замарапка, Ободраный живот.

Есть в шляпке Косолапик, Охотник до конфет.

Ну, словом тут собрался Песельнский квартал.

Чуть солнце чрез оконце — У Мани хлопотня:

Тем надо шоколада, Тем молока с огня.

Ну, кушай, зверь из плюша. Елишка, не вертись.

Ты, Мурка, тут не лязь-ка, На кухню живо, брысь.

И котик в старый ботик Улеся, рад не рад,

А Мани на диване Все кормит медвежат.

ДАВАЙТЕ ПОДУМАЕМ

Давно мы с вами, ребята, не отгадывали загадок, давайте попробуем раскинем, как говорится, мозгами.

Что это такое — в воде родится, а воды боится?

И вторая загадка — кто меня раздевает, тот слезы проливает?

Подумайте над этими загадками, а пока нашу «Детскую почту» на сегодня я, ребята, заканчиваю. До следующей встречи, мои маленькие читатели!

Ваша

Маша

Один — Елишка-цышка, Другой — Пуляк, а тот — Кудлашка-замарапка, Ободраный живот.

Маша

Один — Елишка-цышка, Другой — Пуляк, а тот — Кудлашка-замарапка, Ободраный живот.

ИГОРЬ СВОБОДИН

„Германия указывает нам дорогу“

16. Беседа из цикла „Фронт борьбы за Новую Россию“

На нашей Родине имеются все предпосылки для создания упорядоченной жизни. Наши люди трудолюбивы и старательны. Поэтому, не будет неправильным представить себе Новую Россию примерно так, как выглядит нынешняя Германия. Все имевшие счастье побывать в Германии, собственными глазами увидели несомненные доводы нудеса. Поездка из нашей деревни в Германию представляет собой, как бы шаг из тьмы в полосу света. Уже в Риге мы видим жизнь, совершенно непохожую на нашу. Но когда германская граница остается позади и мы прибываем в Берлин, каждый шаг открывает нам новые чудеса. Однако, Берлин ведь еще не вся Германия. Это, правда, величайший германский город и политический центр страны, но наряду с Берлином в Германии имеется множество других городов, деревень и местечек, все они наглядно убеждают нас, что Германия в целом представляет из себя фактор решительной силы в настоящей войне. Мы убедились, что за немногие годы национал-социалистического созидательного труда открылись пути к грандиозному потоку сил, вершащих чудо, поражающих нас всех.

Недавно несколько солдат и офицеров РОА получили возможность посетить Германию. Их письма свидетельствуют об огромной разнице между Германией — первым социальным государством мира — и «раем» сталинских рабов, бывшем для всех нас ужасом. Из докладов наших товарищей из РОА следует, что гитлеровская Германия достигла такой степени порядка, культуры и цивилизации, какая может и должна послужить образцом для нашей Новой России.

Дадим слово бывшему полковому врачу Красной армии, работающему сегодня врачом в РОА.

Он пишет: «Посетив огромные заводы Боша и Круппа, я увидел образцовый порядок на немецком производстве. Рабочие помещения оборудованы очень прилично. Помещения просторны, светлы и хорошо проветриваются. Имеется большое количество душев и бань. Каждый рабочий имеет свой шкафчик, где в рабочее время хранится его платье. Поразительно, как умело использована техника для удобства рабочих. В хороших, чистых столовых царит образцовый порядок. Устройство кухонь и кладовых очень гигиенично. Хранение продовольствия и обожжение с ним правильно и очень целесообразно. Кухонный персонал подлещит частому врачебному контролю. Отношения между рабочими и работодателями, в противоположность советским, необычайно хороши. Не может быть и речи о том, чтобы как это у нас некоторые утверждают, в Германии к русским рабочим относятся плохо. Насколько излагалась в этом отношении советская пропаганда, утверждающая о тяжелом положении немецкого рабочего! На каждом заводе для разбора возможных жалоб назначается представитель партии. Осмотренные мною квартиры немецких рабочих привели меня в восхищение. Эти квартиры оборудованы с замечательным вкусом и прекрасной мебелью. Чувствуется, что народ ценит свою интеллигенцию и предоставляет ей все возможности для творческой деятельности. При подобных условиях совершенно невозможно себе представить восстания немецкого народа против своего национального правительства, восстания, которого зато сегодня на день следует ожидать в большевистской России. Какую-либо параллель в условиях работы и жизни немецкой и русской интеллигенции провести вообще невозможно. На тех же заводах я ознакомился также с жизнью и трудом иностранных рабочих в Германии. Я мог лично убедиться, что в общем, условия труда и пропитания ничем не разнятся от условий германских

На днях мы получили письмо от одного из офицеров РОА, описывающего свои впечатления от поездки по Германии. Он пишет: «До своего плена я часто читал в советской печати, что в Германии царят голод и нищета. В действительности же побывав в Германии я убедился, что все это измышления сталинских пропагандистов, натравливающих ложью и клеветой наш народ против немцев. Я был на многих фабриках, заводах и в рабочих общежитиях. Я видел просторные заводские помещения, обратил внимание на отсутствие пыли и наличие многочисленных садов, зелени и цветов.

За все время своего пребывания в Германии я не видел ни одного безнадзорного ребенка или нищего». Письмо офицера РОА подтверждает то, о чем пишет Игорь Свободин в статье «Германия указывает нам дорогу», рисует светлые перспективы, радующие всех нас. Наша жизнь при большевиках достигла крайнего ужюбства. Теперь же она может стать только лучше.

В своей следующей статье, «Мы смело говорим правду», Игорь Свободин займется вопросом о судьбе военнопленных.

РЕДАКЦИЯ

рабочих. Затем, я побывал в деревне и посетил там врача. Вместо того, чтобы встретить человека, мечущегося в поисках работы, как я ожидал этого увидеть на основании большевистской информации о положении интеллигенции в Германии, я встретил человека, трудившегося, не покладая рук, человека годовой доход которого достигает оклада германского государственного министра. Он снабжен всем необходимым, лучше, чем любой из русских профессоров, не говоря уже о советском сельском враче. Одному из докторов, с которым я познакомился, принадлежит большой красивый дом. Квартира его обставлена изящной и элегантной мебелью. В доме проведено электричество и водопровод. Имеется великолепно оборудованный кабинет. Этот доктор — отец семьи. Дети его опрятны и вежливы. Ему принадлежит элегантная легковая машина. Дом, находящийся в образцовом состоянии, окружен красивым садом. За бутылкой хорошего вина он рассказывал мне, что начал свою самостоятельную деятельность без всяких средств и что все то, что я вижу у него, является плодами его честного труда. Своей жизнью он вполне доволен. По-дружески растаял я с этим врачом. Следует отметить, что повсюду, где я бывал, меня принимали очень гостеприимно. Несомненно, число образованных и культурных людей в Германии гораздо больше, чем в России. Само собой разумеется, такое печальное положение в России не наблюдалось бы, если бы в течение последних 25 лет, вместо большевистского сброда с его интернациональными идеями, нашим народом руководил бы такой народный гений, как в Германии. Я считаю своим долгом заявить, что мы, русские, должны теперь воспользоваться редкой, предоставившейся нам возможностью, свергнуть ненавистного Сталина и чуждый нам жидо-большевизм и создать дружественные отношения с Германией».

Таково письмо врача РОА. Бывший майор Красной армии, сражающийся теперь против большевизма в рядах РОА, прислал письмо, в котором, между прочим, пишет следующее:

«Дни моего пребывания в Великогермании были самыми замечательными в моей жизни. Здесь я имел возможность собственными глазами сравнить с большевистской ложью справедливую политику Германии, дарящую народам Европы культуру и работу. В течение 25-ти лет большевики стремились изолировать русский народ от Европы, а в особенности от Германии, так как, правда о жизненных условиях Германии вызвала бы недовольство и разочарование большевизмом. Клевета на Германию и расквашивание советского «рая» были средствами борьбы большевиков. Так, например, изоглашавшая сталинская пропаган-

да много писала об «огромных повреждениях» будто-бы нанесенных Берлину бомбами. По сравнению с потерями плутократов, берлинские разрушения даже нельзя сравнить со сведениями, лживо распространяемыми в Советском Союзе. Воздушная оборона города организована хорошо, так что все воздушные налеты связаны с внушительными потерями самолетами и летным персоналом для плутократов.

Что касается жизни рабочих, то они отнюдь не ощущают недостатка в продовольствии или снабжении. Я побывал на многих улицах и площадях Берлина, где множество магазинов были заполнены продуктами и другими вещами. Карточная система в Германии достигает своей цели и, в противоположность СССР, препятствует несправедливому распределению товаров. Помимо этого, она облегчает контроль над всеми запасами.

Настроение у народа хорошее. Уверенность в победе германского оружия и доверие Фюреру непоколебимы.

Культурная жизнь в полном расцвете. Все театры, оперы, кино переполнены зрителями. Я имел возможность побывать на нескольких представлениях. Например, в Винтергартене, в Скале, в Уфа-Паласе, все произвело на меня глубокое впечатление. Программы концертов очень содержательны и дают слушателям прекрасный отдых. Частным порядком я имел возможность посетить некоторые промышленные предприятия. Среди них был также один радио-завод, на котором работает много иностранных рабочих, в том числе и русских. Все они живут в хороших условиях, в чудесных бараках, скорее напоминающих дачи. В каждом бараке имеется много умывальников. Каждый рабочий имеет постель, два одеяла, две простыни и большой шкаф. На заводе имеются две столовые, где рабочие за умеренную плату получают хорошую еду. После окончания рабочего времени рабочие имеют право совершенно свободного передвижения.

Я посетил знакомого немецкого унтер-офицера, семья которого состоит из шести человек. В его квартире четыре комнаты, кухня, ванна, электрическое освещение, центральное отопление. Вблизи дома раскинут небольшой сад. Квартира обставлена великолепной мебелью. Люди хорошо одеты и хорошо питаются. Само собой разумеется, что здесь каждая семья имеет собственный радиоприемник и почти все женщины имеют швейные машины. Сравнение этих условий жизни с теми, в которых приходится жить командирам Красной армии вообще невозможно, так как, например, в нашем гарнизоне, даже у генерала было всего лишь три комнаты. Конечно, у командира дивизии, некоего жидо Эрберга, было целых шесть комнат. Но для жидов в СССР, как известно, законов не существовало.

Вот два письма воинов РОА, видевших Германию собственными глазами. О своих впечатлениях они мне еще много рассказали в более подробных беседах и в их словах все время проскальзывала одна и та же мысль: «Германия указывает нам дорогу!»

Читая эти письма первым долгом убеждаешься, что люди в Германии довольно своей жизнью. Гитлер знает, что удовлетворенные люди — лучшие и вернейшие солдаты. Но он не для войны так заботился о немецких рабочих и крестьянах, а потому что он социалист, действительно желающий лучшего для своего народа. Это доказывают чистые квартиры, роскошные дороги, образцовые крестьянские хозяйства и поля, замечательно холеный скот и в первую очередь ясные, удовлетворенные человеческие лица.

Огромна разница между нашей Родиной и Германией. Нам, однако, не следует этого стыдиться, ведь мы же знаем, как эксплуатировал и опустошал нашу страну большевизм. Теперь для нас в освобожденных областях жизнь началась сызнова. Нам не всегда бывает легко, но ужас НКВД уже прошел. Мы теперь тоже можем вести свободную жизнь. Если мы не хотим быть благодарными, то должны неустанно сражаться и трудиться, чтобы по возможности скорее вся наша Родина была бы освобождена. Части РОА со дня на день усиливаются. Вера нашего населения растет, а все труженики физического и умственного труда единодушны в общем стремлении к победе. Перед нами — великая цель: Новая Россия! Как она будет выглядеть, мы теперь уже можем себе представить. Примером для этого пусть будут приведенные письма офицеров РОА; рассказы многочисленных рабочих и крестьян, а также делегации бургомистров и районных начальников, посетивших Германию. Все они могут подтвердить, что все сказанное в этих письмах, говорящая правда. Германия действительно показывает нам дорогу. По этой дороге мы пойдем, так как она является единственным правильным путем в новое будущее и к новому счастью. За это будущее мы готовы принести любую жертву, чтобы воскрес наш народ. Мы верим в победу и поэтому верим в Новую Россию.

Игорь Свободин

Русский крестьянин снова трудится на своей земле

Русская женщина опять полная хозяйка в своем доме

Самое важное за неделю

Убит генерал Сикорский

По поручению Сталина английскими тайными агентами убит глава польского эмигрантского правительства, генерал Сикорский. Это вызвало тем, что генерал Сикорский занял в последнее время непримиримую позицию в отношении Сталина. Он требовал исследования международного комиссией массового убийства, совершенного большевиками в Катынском лесу, а также добивался ответа на вопрос о судьбе нескольких миллионов поляков, находящихся в настоящий момент в СССР. Вместе с ним убит целый ряд его ближайших сотрудников.

Большевизм неизменим

Португальская католическая газета самым резким образом критикует взгляды людей, предполагающих возможность примирения с большевизмом или допускающих коренные изменения в принципах и методах Сталина. Никого не может ввести в заблуждение ни то, что Сталин в настоящий момент находится в союзе с плутократическими странами, ни вопиющий блеф роспуска Коминтерна. Катынский преступление, равно как и многое другое, доказывают, что большевизм и его намерения в отношении внедрения разрушительных идей во все народы и захвата власти над ними нисколько не изменились.

Недочеты советской промышленности

Болгарская печать помещает выдержки из статьи московской «Правды», в которой говорится, что советская промышленность работает с недостаточной нагрузкой. По мнению «Правды», власти должны проводить более строгий контроль. Каждый недосмотр является преступлением. Поименно называются фабрики, не выполнившие плана. Металлургический комитет обвиняется в перерасходе топлива. Указываются также имена директоров заводов, не понимающих важности возложенных на них заданий. Большевистская газета подчеркивает, что производственные достижения во многих

случаях сильно сократились и что рабочие стремятся по возможности избежать от работы. За последнее время многие не являются на свои заводы под предлогом необходимости работать на огородах.

Признаки недостатка в Советском Союзе...

«Правда», в опубликованной ею в воскресенье передовой статье, между прочим, пишет следующее: «Во всех коллективных хозяйствах Советского Союза господствует сильный недостаток в рабочей силе и лошадях. Эти факты затрудняют планомерное проведение работ, которые и без того сильно осложняются бессмысленными распоряжениями некоторых учреждений».

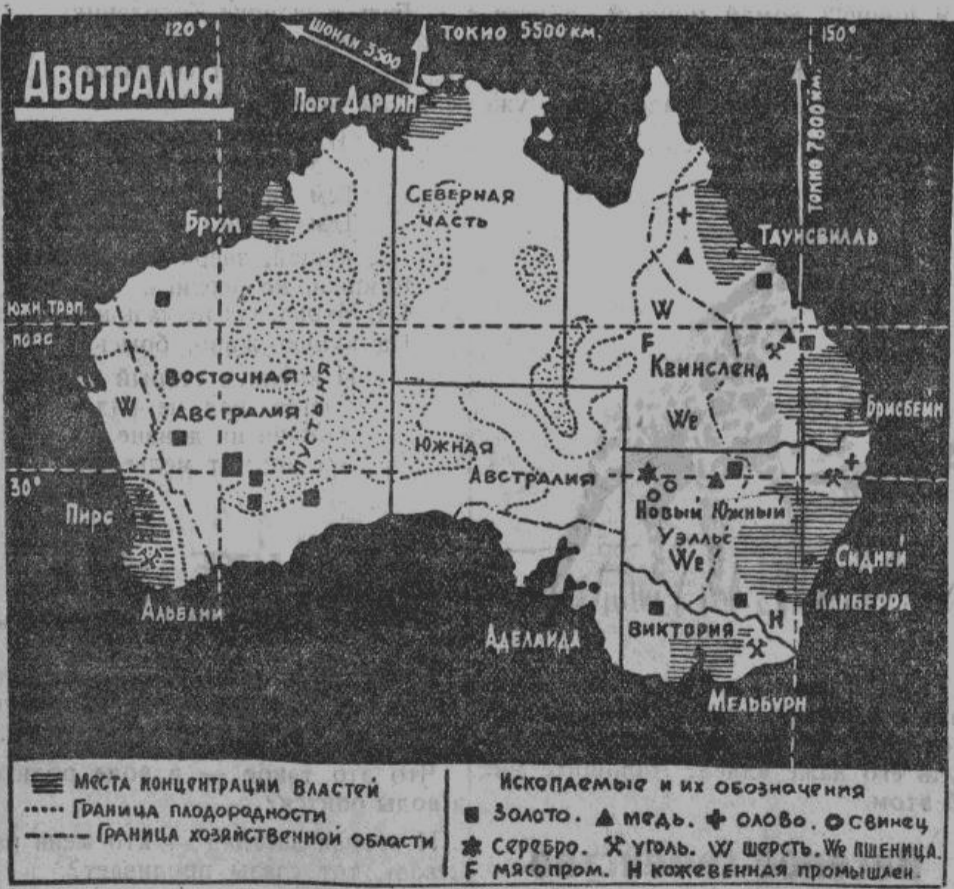
Швеция охраняет свой нейтралитет

Шведский министр иностранных дел Гюнтер — в отношении существующего политического положения Швеции и всего севера — заявил, что политика Швеции в принципе не изменилась. Эта политика теперь, как и раньше, имеет целью полное сохранение шведского нейтралитета в нынешней мировой войне и оказание вооруженного сопротивления в случае каждого нападения на страну.

Только 400 миллионов.

Лондонский «Таймс» сообщает об огромной прибыли, которую получают английские плутократы от 12 предприятий «Централь Майнинг-Ренд-Майнс». По сведениям газеты, за первые шесть месяцев 1943 года, золотые прииски принесли доход в 400 миллионов марок. Этот доход, «к сожалению», приблизительно на 40 миллионов марок меньше, чем за последние шесть месяцев 1942 года.

Наша карта: АВСТРАЛИЯ — БЕЗПЛОДНАЯ СТРАНА

Австралия, как известно, является самым малонаселенным материком. При площади в 7,7 миллионов кв. км., численность ее населения равна всего только 6,9 миллиона человек, так что на 1 кв. км. не приходится и одного человека, в то время, как в Европе, на 1 кв. км. приходится 46,5 человек. Поэтому британские воли, что «Австралия должна увеличить свое население или поглотить», — вполне понятны и обоснованы. С другой стороны, японцы усердно ищут для своего огромного переизбытка населения место колонизации, причем для этой цели лучше всего подошла бы, конечно, Австралия. Поэтому плутократы боятся, что Япония в ближайшее время высадит в Австралии десант. Трудно предполагать, что местные силы, не говоря уже об англичанах из метрополии, смогут оказать такого рода операции длительное сопротивление.